

ВСЕВОЛОД САБЛИН

ИЗ ПАРТИЗАНСКОГО ДНЕВНИКА

БЕЛОРУССИЯ. 1943 — 1944 гг.

Предисловие и публикация Т. П. Мазур и А. В. Саблина

Всеволод Владимирович Саблин (1913—1952) происходил из семьи, оставившей заметный след в истории русской общественной жизни. Его дед М. А. Саблин был видным статистиком и общественным деятелем своего времени. С начала 1870-х годов он — один из редакторов газеты «Русские ведомости». Родной брат М. А. Саблина, Николай Алексеевич, был революционером, членом «Народной воли». В 1881 г. он участвовал в подготовке террористического акта — казни Александра II. Когда его должны были арестовать, он застрелился. Отец Всеволода Саблина Владимир Михайлович был известен как издатель и переводчик.

Литературная деятельность Саблина началась в 1931 г. на страницах ежедневной газеты «Мотор» московского завода «Динамо», где он работал слесарем. С этого времени его стихи и очерки регулярно печатались в журналах «Смена», «Рост», в газетах «Комсомольская правда», «Труд» и др. В сборнике «Наша заявка» под редакцией Э. Багрицкого («Федерация», 1932) были опубликованы стихотворения Саблина «Обязательство» и «Первый рапорт».

С 1933 по 1937 г. Саблин — студент вечернего Литературного института им. А. М. Горького. В 1935 г. в составе бригады молодых поэтов он был направлен на Северный Кавказ в творческую командировку для собирания материалов по истории гражданской войны, а в следующем году вновь отправился туда — на этот раз с целью собрать материалы о жизни и деятельности Серго Орджоникидзе. Итогом этой последней поездки явилась повесть «Чрезвычайный комиссар», написанная в соавторстве с З. Фазиным (изд. «История гражданской войны», 1938). Эта книга впоследствии выдержала 12 изданий, была переведена на многие языки народов СССР, а также на английский и немецкий языки. Вслед затем то же издательство выпустило записанную Саблиным книгу воспоминаний З. Г. Орджоникидзе «Путь большевика» (1938). Уже в послевоенные годы Саблин написал книгу для детей о юности Орджоникидзе («Сын народа», Детгиз, 1948), также тепло встреченную критикой и читателями.

С первых дней Великой Отечественной войны Саблин работает на радио, а в начале июля 1941 г. вступает в народное ополчение г. Москвы, в 4 Куйбышевскую дивизию. Вскоре он становится бойцом-пулеметчиком истребительного батальона НКВД г. Москвы. С января 1942 г. Саблин воюет на Калининском фронте и является военным корреспондентом газеты 37 армии «За отчизну».

В апреле 1942 г. тяжело контуженный в голову писатель попал в плен. В его очерке «Побег», сохранившемся в рукописи, подробно описано пребывание в лагерях для военнопленных. Саблин вспоминает: «Пытался <бежать> несколько раз, но всё неудачно. Однажды выдала своя русская женщина, и я получил двадцать пять — знаменитых „фюньф унд цванциг“, которые так хорошо знакомы каждому военнопленному. Другой раз я пытался уйти, захватив с собой немецкую трехверстную карту. На ней была наметана линия фронта под Ржевом. Меня поймали в землянке обер-лейтенанта в тот мо-

В. В. САБЛИН — БОЕЦ ПАРТИЗАНСКОЙ БРИГАДЫ «БУРЕВЕСТИК»

Рисунок Н. Н. Жукова (карандаш). Минск, 14 июля 1944 г.

Внизу дарственная надпись художника В. В. Саблину, 11 сентября 1944 г.

Собрание Н. Т. Саблиной, Москва

мент, когда я только что сорвал карту с гвоздя <...> Я сделал третью попытку и в третий раз был пойман немцами. Меня посадили в гестапо». Лишь случайность и помощь товарищей спасли его тогда от расстрела.

Весной 1943 г. немецкое командование решило срочно строить аэродром под Бобруйском. Из разных лагерей отбирались пленные для работы на стройке. «7 мая 43-го года мы прибыли в Бобруйск, — пишет в том же очерке Саблин. — Нам приказали выгружаться, построили по три и погнали на восток от города — в сторону аэродрома». Новый лагерь пока был «неустроен», бараки не были обнесены проволокой. Вместе с несколькими товарищами Саблин разработал план побега, и с помощью двух русских женщин — работниц соседнего кирпичного завода — в ночь на 4 июля он бежал из

лагеря. «Заветный лес, спасительный лес! Я давно стремился к тебе. Не раз мерещился ты мне, мой спаситель, в дни тяжелых испытаний — на каторжных работах в плену, в мрачных подвалах гестапо. И вот, наконец, ты принимаешь меня в свои суровые объятия», — пишет Саблин в цитированных воспоминаниях о побеге и о поисках встречи с партизанами.

Партизанское движение в Белоруссии возникло еще летом 1941 г. Благодаря активной помощи ЦК КП(б)Б в Белоруссии к августу 1941 г. был сформирован 231 партизанский отряд общей численностью свыше 12 тысяч человек ¹. Одной из крупных бригад, объединявших несколько отрядов, была 1 Белорусская партизанская бригада. Над книгой о ее командире М. Ф. Шмыреве Саблин работал в послевоенные годы. После смерти писателя была выпущена его документальная повесть «Батька Минай» (Минск, Гос. изд-во БССР, 1959).

Боевые действия белорусских партизан вынуждали фашистов размещать свои гарнизоны в городах и крупных населенных пунктах. Большая часть Белоруссии находилась под контролем партизан. Характеризуя партизанскую зону на страницах дневника, Саблин пишет: «Мы часто любим говорить, причем говорить с гордостью, о нашей партизанской зоне. И правда, нам есть чем гордиться. Немцы ни в коей степени не являются хозяевами нашей белорусской земли. Все их гарнизоны окружены отрядами мстителей, и если когда-либо по окончании войны будет составляться карта оккупированной Белоруссии, то, по всей вероятности, немецкие гарнизоны будут казаться маленькими островками, затерянными в бушующем море партизанского движения» (запись 14 августа 1943 г.) ².

Настойчивое стремление Саблина стать участником партизанской борьбы увенчалось успехом. Вскоре после побега он становится бойцом бригады им. Пархоменко (командир А. В. Львов, комиссар Н. В. Храпко; входила в состав Минского партизанского соединения). Саблин был назначен в диверсионную группу М. Ш. Шульмана, с которым его сразу связала крепкая боевая дружба ³. В августе 1943 г. он участвует в подрыве крупного железнодорожного моста в районе ст. Дятловичи, а в ноябре того же года — в борьбе с карательными экспедициями противника в Глусском районе. В боевой характеристике, выданной ему секретарем Минского подпольного обкома партии И. А. Бельским, отмечено: «На своем личном боевом счету имеет 25 убитых немецких солдат и офицеров, 13 раненых, 12 взятых в плен и одного полицейского, подорвал 13 железнодорожных рельсов, 1 железнодорожный мост, 1 вражескую автомашину и 1 вражеский танк» ⁴.

С первых дней пребывания в отряде Саблин уделяет время и писательской работе: начинает вести дневник, пишет очерки, стихи. В ноябре 1943 г. И. А. Бельский предложил Саблину шире познакомиться с жизнью всего партизанского соединения. Саблина назначают «военно-партизанским корреспондентом»; он объезжает отряды и бригады, участвует в проводимых ими боевых операциях, проводит беседы с партизанами, читает им свои произведения.

Именно в это время становится особенно интенсивной и плодотворной творческая работа писателя, опиравшаяся на более широкий опыт, чем это имело место раньше, когда он был связан только со своей группой, со своим отрядом. По мере накопления этого опыта, планы литературной работы Саблина все более расширялись. Кроме большой «партизанской повести», написать которую он мечтал, он задумывает несколько сборников очерков и рассказов, намечает план стихотворного сборника и т. д. Но суровая жизнь бойца-партизана не позволяла ему осуществить все, что было задумано: слишком часто надо было откладывать перо и бумагу и браться за пистолет и автомат. 19 апреля 1944 г. Саблин, перечислив в дневнике свои творческие замыслы, заключал: «Но это — чисто литературные мечтания. Кроме этого, есть самое основное — война. Нужно быть солдатом. А это неминуемо вносит коррективы во все литературные планы».

Последние месяцы своей партизанской жизни, с февраля 1944 г., Саблин провел, главным образом, в бригаде «Буревестник», которой руководил М. Г. Мармулёв, смелый, инициативный командир, в совершенстве овладевший трудным искусством партизанской войны, удостоенный впоследствии звания Героя Советского Союза. Вместе с этой бригадой, которая славилась как лучшая во всем соединении, писатель участвует

«МСТИТЕЛИ»

Сборник стихов и песен В. В. Саблина.

Издание Руденского подпольного

РК КП(б)Б, 1944

Обложка. Рисунок автора

Собрание Н. Т. Саблиной, Москва

в «засадах» против гитлеровцев, в нападениях на фашистские гарнизоны, вместе с ней он переживает и трудную весну 1944 г., когда немецкое командование, выполняя приказ Гитлера об уничтожении белорусских партизан, бросило на борьбу с ними несколько дивизий, полицейские и охранные батальоны, много артиллерии и авиации⁵. Минские партизаны устояли в этом тяжелом испытании и, несмотря на подавляющее превосходство противника, сохранили свою боеспособность, свои основные силы. Летом 1944 г. они соединились с наступающими частями Советской Армии и вместе с ними вошли в освобожденный Минск.

Вскоре после этого командующий соединениями минских партизанских отрядов, секретарь Минского подпольного обкома КП(б)Б, Герой Советского Союза генерал-майор В. И. Козлов предложил Саблину принять на себя обязанности организатора и научного руководителя вновь создаваемого Музея Великой Отечественной войны в Минске. Став заместителем директора музея по научной части, Саблин, вместе со многими своими соратниками, провел большую работу по собиранию материалов для истории партизанского движения в Белоруссии.

В июле 1945 г. Саблин возвращается в Москву и отдается целиком литературной работе. Он много ездит по Советскому Союзу, пишет очерки о возрожденной Белоруссии («Огни Белграда» — «Огонек», 1946, № 33—36), о шахтерах Караганды, Подмосковья. В эти же годы он обрабатывает свой дневник, на основе которого должна была быть создана большая партизанская повесть.

Неожиданная смерть оборвала этот труд писателя 20 мая 1952 г.

Архив Саблина, хранящийся в семье писателя, содержит разнообразные материалы, относящиеся к его партизанской жизни и работе. Среди них: рукописи стихотворений, очерков и рассказов, написанных в 1943—1944 гг., а также тех, над которыми писатель работал в послевоенные годы; записи воспоминаний и рассказов партизан; карты Белоруссии с указанием пунктов, входивших в партизанскую зону; альбом фотографий, в котором имеется также несколько топографических схем (путь побега из плена,

маршруты боевых операций группы подрывников под командованием М. Шульмана и др.); переписка с родными и с друзьями-партизанами.

Значительное место в архиве занимают тетради дневника писателя, отрывки из которого представлены в настоящей публикации.

Саблин начал вести дневник в первые же дни после своего прихода в партизанский отряд, то есть в начале июля 1943 г. Последняя запись в дневнике помечена 22 июня 1944 г. Он охватывает таким образом целый год, заканчиваясь за несколько дней до выхода бригады «Буревестник» из лесов и ее соединения с частями освобождающей Белоруссию Советской Армии. Поразительно, с какой аккуратностью и систематичностью, день за днем, вел писатель свой дневник. Если боевая обстановка не оставляла времени для записей, он пользовался первым же затишьем, чтобы восполнить пропущенное, восстановить по свежей памяти события и переживания недавних горячих дней. Когда партизаны подвергались ожесточенной «блокировке» со стороны гитлеровских дивизий и полицейских отрядов, когда они оказывались в плотном кольце врагов, под угрозой полного уничтожения, Саблин прежде всего принимал меры к спасению своих дневников и рукописей. Он укладывал их в пустые стаканы из-под снарядов, закапывал в глухом лесном уголке, а потом, когда опасность проходила, разыскивал их и вновь приступал к выполнению своей работы писателя — партизанского летописца.

Дневниковые записи Саблин рассматривал как выполнение своего писательского долга перед народом и перед историей. 1 февраля 1944 г. он записал в дневнике: «Главная задача сейчас — собирать, записывать, внимательно наблюдать. Ценность этого труда несомненна. Ведь я — живой свидетель, за каждое слово свое могу поручиться, что оно истинно... Это будет очень нужно после войны и без сомнения будет представлять ценность исторического документа».

Во многих местах дневника Саблина звучат личные мотивы — горечь воспоминаний о плене, тоска по жене и сыну, мечты о встрече с ними; рядом с этим идут записи о творческих планах и об их выполнении, записи с авторской (в большинстве случаев критической) оценкой написанного рассказа или стихотворения и т. п. Однако не это составляет основное содержание саблинского дневника. Главное в нем — подробная, правдивая хроника партизанской жизни и борьбы. Писатель заполнял страницы дневника прежде всего обстоятельными описаниями боевых операций, в которых он сам принимал участие, зарисовками партизанского быта, портретами и характеристиками партизан; он записывал их рассказы о прожитой жизни, о путях, которые привели каждого из них в отряд; он нередко останавливал свое внимание на той помощи, которую местное население оказывало партизанам, рассказывал о карательных мерах, предпринимавшихся врагом против мирных людей, об их уходе в леса, где они создавали «гражданские» лагеря, спасая себя, свои семьи, свой нехитрый скраб.

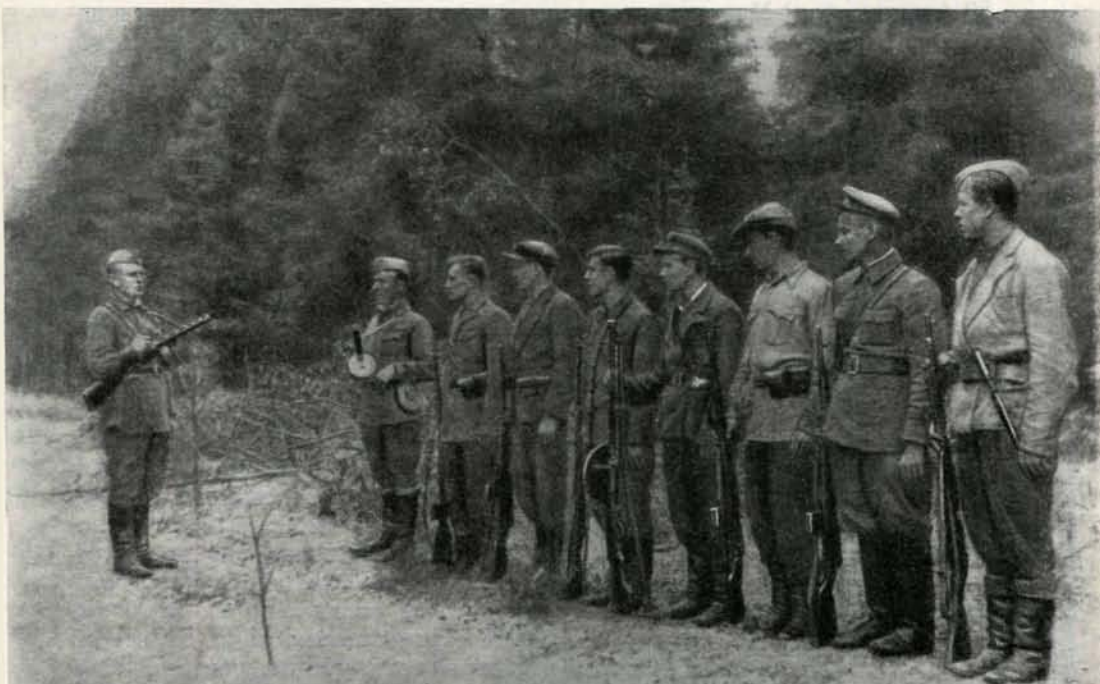
Так личный дневник писателя становился своеобразной летописью жизни партизанского края в самом сердце непокоренной Белоруссии. И это придавало ему особую ценность — прежде всего в глазах самого автора. «Мои дневники, — писал он 19 апреля 1944 г., — <...> мне очень дороги. Пожалуй, они дороже мне, чем все статьи, очерки и стихи. Они полны наблюдений и личных партизанских переживаний, которые впоследствии могут вылиться то ли в книгу, то ли в ряд отдельных вещей».

Публикуемые ниже части дневника Саблина охватывают время с 20 февраля по 17 мая 1944 г. При отборе этих записей имелось в виду показать разные стороны содержания дневника; вместе с тем хотелось избежать излишней фрагментарности, сохранить известную цельность и законченность текста.

В приложении даются четыре стихотворения из сборника «Мстители», напечатанного весной 1944 г. в подпольной типографии Руденского райкома КП(б)Б. Два экземпляра «Мстителей» сохранились в архиве Саблина. Кроме того, один экземпляр этого сборника был им передан в 1950 г. в Отдел редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вместе с книжкой в библиотеку было передано письмо, в котором автор рассказывал, как было осуществлено это издание:

«О книжке «Мстители» могу добавить следующее:

1) В ту пору у нас не было вовсе бумаги и мне пришлось посылать нашего агента в Минск с двумя золотыми десятками (которые я добыл в бою в феврале

*После победы в Вруц в память уничтожения вражеского
железнодорожного моста Лунинск-Валовичи. Майск - Заславье.*

ПАРТИЗАНСКАЯ ГРУППА ПОДРЫВНИКОВ ПОЛУЧАЕТ БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ

Дает задание группе командир отряда У. Шваяков. Крайний слева — командир группы М. Ш. Шульман, рядом с ним — В. В. Саблин

Фотография. Партизанская бригада им. Пархоменко (Минское партизанское соединение), район Зеленковичей, лето 1943 г.

Внизу дарственная надпись М. Ш. Шульмана В. В. Саблину
Собрание Н. Т. Саблиной, Москва

1944 г. под г. Уздой Минской обл.). Агент привез под сеном немного бумаги, часть из которой и была использована для издания этой брошюры. Тираж ее был очень ограничен: экземпляров 20 заслали во вражеские гарнизоны — для разложения полицейских, экземпляров 20 — в оккупированный в то время Минск, штук 30 распространили среди партизан.

2) Рисунок на обложке: набросок сделан мной, а клише — на куске березы — изготовил один партизан, член редакции Руденской подпольной газеты (фамилии не помню).

Р. С. Среди партизан особой популярностью пользовалась песня „Мы — вестники бури“. Ее обычно пели и в походе бойцы бригады „Буревестник“.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сб. «Непокоренная Белоруссия». М., Военное изд-во МО СССР, 1963, стр. 7.

² Здесь и ниже цитаты из дневника приводятся по подлиннику, хранящемуся в архиве писателя.

³ В архиве Саблина сохранился очерк «В белорусских лесах» (с посвящением М. Шульману) — о боевых действиях этой группы.

⁴ Цитируется по подлиннику, находящемуся в архиве Саблина.

⁵ «Непокоренная Белоруссия», стр. 51.

20 февраля. <...> Мармулёв сказал мне, что он через час выезжает в далекий путь, и спросил меня, хочу ли я ехать совместно с ним. Я, конечно, согласился, хотя было бы лучше, если бы Мармулёв ехал не сегодня, а через недельку: у меня так хорошо наметилась первая глава повести, что жаль бросать дело неоконченным. Но — война прежде всего, и я пошел домой собираться. Собственно — это только слова, ибо «сборы» мои заключаются в том, что я, спрятав рукописи, надеваю шапку и кожух, на бок прицепляю пистолет и — солдат «к бою готов».

Мы вышли из Черной Слободы пешком. Майор сидел еще на печи, ибо он до Колодина решил доехать верхом. Отряды же потянулись по пересеченной местности в сторону Распутья. Привал. Перекур. Ни у кого нет табака, поэтому все налетают на местных дядек и просят закурить. Просят друг у друга «сорок» и «двадцать». Свисток. Трогаемся дальше. Впереди идет Семен Заварыкин — командир первого отряда «Буревестника» — молодой паренек в черной кубанке, с ясными голубыми глазами, за ним идет командир второго отряда им. Кутузова — Яша Горожанкин. Его я знаю лучше других, потому что как-то ночевал у него в Пиличах. Тогда я был порядком на взводе, но все же помню, как он расспрашивал у меня, что делают за фронтом с теми красноармейцами, которые побывали в плену. Сам он когда-то был военнопленным, после бежал в партизаны, отличился, был награжден партизанской медалью первой степени, участвовал более чем в 130 боях, был назначен командиром отряда, но все же боялся — не придется ли ему после войны нести ответственность за то, что он был в плену. Мы долго сидели с ним ночью при свете лучины, и он рассказывал мне, как отступали наши с западных границ, какая царила бестолковщина и неразбериха, как расстреливал какой-то генерал отступающих красноармейцев, как он — Горожанкин — был ранен и попал в плен. В плену он чуть было не погиб, но наконец ему удалось устроиться поваром, и это спасло его. Вскоре, оправившись, он бежал и с тех пор неразлучно боролся против немцев вместе с Мармулёвым. И все же — он побаивался: а не попадет ли ему после войны? Как относятся в СССР к военнопленным? Не судят ли их? и т. д. Горожанкин родом из Иванова, рабочий. Это здоровый парень с монгольскими скулами, крупным ртом и маленькими, прямо китайскими глазками. Бровки он подбрасывает, и это делает его не вполне серьезным. Одет в прекрасный синий коверкотовый костюм, брюки заправляет в сапоги.

Сейчас Горожанкин идет впереди своего отряда, и на его плече стволом вниз висит автомат. За ним тянутся его бойцы. Меня поражает исключительная молодость всех партизан. С улыбкой вспоминаю, как сегодня утром слушал какую-то радиопьесу. Поэт изображал партизан, сидящих у костра. Все они, по его словам, были волосатые и бородатые; в свете костра виднелись «стрелы усов». Как все это ложно, как все это далеко от действительности! Мелочь, но в ней видно незнание жизни нашей, кабинетное представление о партизанщине. Ведь на самом деле партизаны (почти без исключения) — молодежь. Преобладающий возраст — 20—25 лет. Но у Мармуля люди еще моложе — 16, 17, 18, самое большее 20. Ну и уж конечно — ни одного бородатого. А там — за фронтом — считают, что партизаны не изменились со времен 1812 г., что все они бородатые мужики, вооруженные топорами и вилами и этим «оружием» воюющие против «хранцуза». Нелепо, театрально, нежизненно!

За Распутьем мы сворачиваем в лес. Налево остается Волчий остров, тот самый, о котором я хочу написать рассказ «Волчье братство»¹. Идем лесом. Дорога очень скользкая — идти трудно. Переходим через греблю. Это та самая гребля, где Болдырев — начштаба бригады Мармулёва — предлагал сорокинцам устроить засаду на немцев. Место действительно очень удобно — вокруг идут болота. Вскоре мы доходим до сожженного

М. Г. МАРМУЛЁВ —
КОМАНДИР ПАРТИЗАНСКОЙ
БРИГАДЫ «БУРЕВЕСТНИК»

Фотография, лето 1944 г.
Собрание Н. Т. Саблиной,
Москва

моста. Здесь вынужденная остановка — люди переходят по обгоревшим столбам через речку Тепленку. Вокруг — леса. Могучие ели. Лес тихо шумит и о чем-то шепчет. Идущий вместе со мной начальник О(собого) о(тдела) бригады Петя Ловецкий² рассказывает мне о своей жизни. Это бывший студент, худощавый, с испорченными зубами. Он окончил в Минске литературный факультет Педагогического института, но не успел закончить сдачу госэкзаменов: война его застала в тот момент, когда он готовил педагогику. Учебники, конечно, полетели в сторону, тем более, что начались весьма сильные бомбежки города. Минск быстро эвакуировался. Петя несколько дней ожидал вызова в военкомат, сдал даже паспорт, но военкомат эвакуировался, и Петя в конце концов без документов вышел из города. Это было в тот момент, когда в Минске уже высадился десант и когда Петя чуть было не попал в руки немецких мотоциклистов. Целый год он вместе со своим другом жил в какой-то деревне, скрывался от немцев и, наконец, ушел в отряд Мармулёва. Был командиром отделения управления, а недавно назначен начальником О(собого) о(тдела). Работа ему не нравится. Но все же он с увлечением рассказывал мне, как выловил нескольких шпионов, в частности одного крестьянина из Теребели, связанного с Уздой. Любопытную историю рассказал про мальчика 12 лет, бывшего немецким шпионом, а сейчас находящегося в отряде Градова и служащего нам.

Быстро темнело. На конях проскочили майор, начштаба Болдырев и их адъютанты — Борлюгов и Коновалов. Мы, скользя по льду, двигались по лесной дороге. Неделию назад здесь проходили немцы. Они лесом обошли сорокинский пост и зашли в тыл. Сорокинцы заметили их слиш-

ком поздно, но все же двое из них, отстреливаясь, прорвали кольцо и ушли от немцев, а третий побежал на открытое поле, и здесь его схватили живьем. Ему предложили служить у немцев, и он согласился. Два дня немцы держали его в Валерьянах под арестом, а на третий день одели в форму изменника и дали оружие. Сейчас этот негодяй борется против нас.

— Вот здесь, верстах в двух был наш лагерь, — сказал Петя Ловецкий. — Мы жили под Колодино восемь месяцев и восемь дней. Хорошо здесь было жить...

Он принялся рассказывать о лагерной жизни, о том, как вольно и свободно чувствовали себя здесь партизаны, о том, как 16 раз бомбили их немецкие самолеты и за все время убили только одного партизана и ранили одну лошадь.

Вдалеке показался огонек. По мере нашего приближения к нему он все увеличивался.

— Это Колодино, — сказал мне Петя. — Вот здесь был наш штаб.

В темноте я с трудом разглядел следы пожара. Угли, обгоревшие балки, разбросанные кирпичи. Кое-где видны остатки заборов, колодцы. Деревня полностью сожжена. Колодино, Рабановщина, Подзелень были уничтожены 8 января 1944 г., в тот самый день, когда было наступление немцев на лагерь Мармулёва. Люди все разбежались, но одного крестьянина — Николая Жигальского (родом из Минска, но жена его колодинская) — немцам удалось словить, и они растерзали его.

Мы подошли к огромному костру, в котором горели круглые, наполовину обуглившиеся бревна. У костра сидел Мармулёв в авиационной пилотке, которая очень не шла к его круглому лицу с большим картофелеобразным носом. На его широких плечах была надета немецкая ватная курточка белого цвета, крест-накрест шли ремни, на которых висели планшетка и маузер в большой деревянной кобуре. Кроме майора у костра сидели начштаба Болдырев, командир 1 отряда Семен, два адъютанта — Борлюгов и Коновалов — и трое связных. Майор попросил подвинуться, и я сел. Заметил, что сидит майор на бочке, Семен — на согнутом цинке, а Болдырев на доске, только что оторванной от забора.

Отдыхали около часа, ждали, когда подойдет командир третьего отряда им. Громова — Кусакин. Это старый сослуживец майора, они когда-то вместе были бойцами 85 артиллерийской дивизии. Болдырев шутил, говорил, что Кусакин обязательно подойдет к костру, спросит разрешения обратиться и по всем правилам военного искусства доложит, что вверенный ему отряд по приказанию комбрига майора Мармулёва прибыл в расположение сожженной немцами деревни Колодино.

Ловецкий сидел рядом со мной и шепотом рассказывал мне отдельные штрихи из биографии майора. Он — сын кулака, его отец имел 12 коней, и Мармулёв с детства очень любил галопом носиться верхом. Это он рассказывал сам в минуту откровенности. В армии он был не то рядовым, не то сержантом, а оставшись в тылу, создал отряд, действовавший в разное время то в Борисовском, то в Пуховичском, то в Узденском, то в Руденском или Минском районах. Летом 1943 г. он был ранен и летал в Москву, где ему присвоено было звание майора. Из рядовых — в майоры. Это случай не частый, но Мармулёв своими делами, без сомнения, завоевал себе право на это звание³.

Вскоре к костру подошел невысокого роста человек, худощавый, скуластый, с маленькими воспаленными глазками. Лицо у него было весьма суровым, узкие губы строго сжаты. Одет он был в белый маскировочный халат. Приложив руку к лохматой кубанке, человек этот отрапортовал:

— Командир третьего партизанского отряда им. Громова — Кусакин прибыл в расположение деревни Колодино по вашему приказанию, товарищ майор.

Все невольно засмеялись, но Кусакин был по-прежнему строг и даже не улыбнулся. Голос был у него грубый, густой, и это очень не шло к его маленькой и тщедушной фигурке.

— А второй взвод где? — спросил Мармулёв.

— Следует по пятам.

Майор засмеялся:

— А не отдавили они вам пятки?

Все захохотали еще громче. Только один Кусакин был невозмутимо серьезен.

— Никак нет, товарищ майор, пяток нам не отдавили.

Тронулись в дальнейший путь. После яркого света костра мы ничего не видели и шли осторожно. Красные отблески костра освещали широкую спину майора, шедшего впереди меня.

Постепенно глаза привыкли к темноте, и оказалось, что сейчас совсем не так уж темно. Я шел, скользил и все думал о своей новой повести, о том, как построить первую главу, как будет дальше идти разработка образов и т. д. Пытался отогнать эти мысли, думать только о походе, глубже наблюдать происходящее, чтобы после полнее зафиксировать события, но опять, против воли, возвращался к мыслям о Шульмане, о его жене, о его безумной храбрости, о его святой и непримиримой ненависти⁴.

От Колодино мы длинною цепью — по одному — подошли к Теребели и свернули к шоссе Минск — Слуцк. Опять двигались лесом по узкой просеке и, наконец, вышли на поляну. Она была завалена спиленным лесом. Эти завалы сделаны против нас — партизан. Немцы опасаются засад, опасаются, что мы будем ставить мины. Но это не останавливает партизан, и, — несмотря на все ухищрения фрицев — немецкие машины все-таки подрываются на минах, а немецкие колонны все же обстреливаются.

Через вырубленную поляну мы идем быстро, почти бегом, взбираемся на высокое насыпное шоссе, прыгаем в канаву, опять перелезаем через завалы и скрываемся в лесу. Просека узкая, и в лесу очень темно. С трудом различаю спину шагающего впереди меня Ловецкого. Сзади раздается свист — это оторвался от нас третий отряд. Мы делаем привал и посылаем разведчиков разыскать Кусакина. Сами ложимся на снег. Все очень утомлены: пройдено по трудной дороге более 20 километров. Некоторые тут же засыпают, раздается храп. Я лежу под сосной и курю, пряча папироску в рукав.

Подтягивается третий отряд, и мы опять идем по лесу, которому нет ни конца, ни края...

21 февраля. <...> Мы всё еще идем лесом по большой насыпной дороге, которая тянется от местечка Дудичи (сожженного летом 1943 г.) до Узды. Начинаются завалы. Огромные бревна навалены поперек дороги. Мы сперва пробуем пробраться через них, но это очень трудно, и мы сходим с дороги в лес и между толстых стволов сосен обходим сперва один, а после и второй завалы.

Наконец, лес кончается, и мы идем вдоль того же большака, который тянется полями. Впереди — на невысоком холме видны отдельные большие деревья. Видимо, там стоит какое-то село. Мы подходим ближе, и вдруг из темноты возникают суровые очертания танка. Приглядываюсь — это наш, советский танк. Гусеницы разбиты, пушка на башне повернута в сторону леса. Этот танк стоит здесь со времен отступления Красной Армии. Невольно в голове возникает картина: лето 1941 г., гул немецких самолетов, запруженное народом шоссе... Танкисты отходили на машинах, пока не окончился бензин, затем они вылезли из танка, подорвали машину, взяли в руки пистолеты и пошли... Впереди были леса, за ними — в городах и крупных местечках — уже хозяйничали немцы, а фронт находился

где-то далеко-далеко, и добраться до него было трудно. Как сложилась судьба этих танкистов? Плен и голодная смерть? Партизанщина? А может быть, они оказались слабыми и малодушными людьми и поступили в полицию?..

Опять на дороге, словно изваяние, стоит бездействующий танк. Далеко растянулась перебитая гусеница. Мы идем всё дальше и дальше и, наконец, делаем привал возле третьего разбитого танка. Деревня Долгиново видна отсюда хорошо. Ровная улица, палисадники, белорусские однооконные и двухоконные хаты. В деревню мы не заходим, а только высилаем до первой крайней хаты разведчиков, которые доносят, что в Долгиново все тихо. Мы поднимаемся и опять двигаемся в путь. Идем огородами; земля замерзла, и борозды напоминают взволнованное и внезапно застывшее море. После небольшого отдыха ноги отказываются шагать; они сделались словно свинцовыми и с трудом отрываются от земли. Но постепенно опять втягиваешься и шагаешь вслед за бойцами, которые тоже устали, постоянно спотыкаются и падают. Теперь мы идем полным бездорожьем — прямо по вспаханным черным и замерзшим полям, минуя деревни и поселки (так называемые «вёски»). Мы должны незамеченно пройти весь путь и — словно снег в летнюю пору — неожиданно нагрянуть на немцев. Идем мимо деревни Красное, задами проходим вдоль деревни Крестинтерн. Где-то неподалеку остается деревня Теляково, в которой «приманком» жил Милютин — начальник разведки штаба бригады им. Калинина.

Входим в лес. Зима этого года так мало похожа на настоящую зиму, что даже в лесу снега почти нет. Только в наиболее тенистых местах лежат обледеневшие сугробы.

Посреди леса, между деревнями Красное и Борки, имеется большая поляна. Уже серел рассвет, когда мы вышли на нее и увидели высокую вышку, а возле нее дом лесника и какие-то сараи. Лесничество пустовало. Мы прошли мимо дома с пустыми окнами и остановились возле сеновала, наполненного околотом*. Мармулёв приказал развести костер, но я не стал ожидать, пока хлопцы ломали сухие доски, и забрался на солому <...>

22 февраля. Ночь я опять провел глубоко зарывшись в солому. Но все же было прохладно, и ноги озябли. Встал погреться к костру, возле которого вповалку спали партизаны, и услышал крики:

— Горись! Горись! Вся <...> обгорела!

Этот крик разбудил Мармулёва, он взглянул на часы и приказал будить людей: было уже половина пятого. Я выпил бутылку молока, захваченную еще вчера из Борков, и поднялся. Майор приказал гасить костры. Чумазные люди заворочались, стали раскидывать солому, на которой спали. Отряды построились. Интересная картина открылась моим глазам: яркое пламя костров освещает полуразрушенную хату лесника (надо же чем-либо топить две ночи!), колонны вооруженных людей, одетых как попало, и между людей бегают одичавшая кошка — единственное живое существо, оставшееся на опустевшем хуторе...

Опять мы идем бездорожьем — минуем Красное, Крестинтерн и другие какие-то поселки, названия которых я не знаю. Наконец, подходим к шоссе Узда — Валерьяны. На этом шоссе Мармулёв несколько раз делал весьма удачные засады, а однажды летом 1943 г. уничтожил в один прием 34 фашистских автомашины.

Шоссе оказалось завалено свежесрезанными соснами. Это работа местного отряда из бригады им. Рокоссовского.

— Мешают они нам, — сказал Мармулёв. — Вместо того, чтобы воевать — видишь, чем занялись...

* Околот — солома, оставшаяся после молотбы.

Но все же Мармулёв решил сделать засаду именно здесь. Место было лесистое. Правда, лесок очень невелик — всего около квадратного километра, но отсюда имеется хороший отход через болото прямо в партизанскую зону. Лес расположен между деревнями Пырашево и Лоша, в семи-восьми километрах от местечка Узда. Один за другим партизаны пересекают шоссе и располагаются на отдых в 500 м от дороги. В это время Мармулёв с командирами отрядов выходит на рекогносцировку местности. Мы подходим близко к шоссе между первым и вторым завалом.

— Не делайте лишних следов, — предупреждает майор.

Сам он забирается на пенек и внимательным взглядом оглядывает местность. Лицо его напряжено, раздулись ноздри крупного, характерного носа.

— Так вот, товарищи командиры, — наконец говорит он, — наша задача вам понятна: подпустить и стукнуть. Сделаем это так: ты, Кусакин, сядешь со своим отрядом возле второго завала. Одно отделение выдвинешь на другую сторону шоссе — их задача простреливать кюветы. Гранатомет поставишь прямо за завалом, а остальной отряд расположишь вдоль шоссе по нашей стороне. Ты, Горожанкин, сядешь рядом с Кусакиным. Огонь откроете одновременно. Семену особая задача: занять оборону возле первого завала, откуда мы ожидаем противника. Тот лесок отделяется от нашего поляной. Когда Кусакин и Горожанкин ударят по немцам, фрицы будут вынуждены бежать обратно — в тыл — и окажутся на поляне. Вот тут-то ты и стукнешь по ним... Противотанковые ружья придаются к отряду Кусакина. Расположить их в лесу позади стрелков. Ну, есть вопросы?

После короткого совещания командиры возвращаются к своим отрядам и начинают располагать людей. Майор в это время выходит в глубь леса и оказывается на болоте; с него видны две небольшие деревушки, мимо которых нам предстоит отходить. Мармулёв осматривает пути отхода и решает:

— Отходить будем на Подсеножатки, а там — на Румок.

Мы возвращаемся в лес. На командном пункте среди сосен на короточках сидит телефонист в большой лохматой шапке и говорит в трубку:

— Слушаю... Да, да... Значит, кончили тянуть? Ну ладно...

Холодно. Ноги окоченели. Майор говорит своему адъютанту Трофиму:

— Разведи, костер, только маленький. Надо носки просушить.

Через минуту костер уже пылал. Мы сели возле огонька: Мармулёв, Болдырев, Ловецкий и я. <...>

Зазвонил телефон. Телефонист сообщил, что на шоссе задержано три подводы, следовавшие из Узды. Майор приказывает направить подводы на командный пункт.

— Ну, а пока суть да дело, — говорит Мармулёв, — недурно было бы перекусить.

Адъютанты вытаскивают кур, сваренных вчера в Борках, появляется водка, и мы садимся за завтрак. Холодную курицу разрываем руками и греем куриное мясо на костре.

— За успехи, — говорит майор и из горлышка тянет водку. Затем он передает бутылку Болдыреву, тот пьет и передает мне.

Поблизости раздается грохот колес, и к нам подъезжают три крестьянские подводы. Возницы-старики идут возле коней.

— Ну, что слышно, батя? — спрашивает Мармулёв одного старика с седенькой клинообразной бородкой.

— Чего чувать-то? — переспрашивает старик. — Да ничего, живем помаленьку...

— Я не про то... Когда немцы проезжали в последний раз по шоссе?

— Вчера ехали. С Узды пешие шли человек 100, а обратно с Валерьян на девяти машинах проехали.

— Значит, завалы сделаны сегодня ночью, — говорит Мармулёв сам себе и хмурится. — Мешают нам эти рокошсовцы. Если бы не было завалов, дело обстояло бы лучше.

Опять звонит телефон.

— Что? Что? Где немцы? — спрашивает телефонист в трубку. — Что? Сейчас...

Он подымается и говорит:

— Товарищ майор, немцы.

Мармулёв быстро вскакивает и склоняется над телефонным аппаратом.

— Сколько? — спрашивает он. — Прекрасно, прекрасно... Что? Прямо на вас идут? Близко?.. Снимайтесь и отходите. Да, да. Но только не обнаруживайте себя.

Мармулёв вешает трубку и выпрямляется. Я смотрю на его лицо и не узнаю его: обычное вялое выражение сменилось стальной силой, энергией, я бы даже сказал — вдохновением. Без сомнения, Мармулёв — поэт, но поэт особого рода, вдохновляющийся только в бою, в предчувствии смелой и решительной схватки. Особенно мне понравились его глаза — в них светилась неудержимая веселость, жажда боя, жажда сражения.

— Связные и адъютанты, за мной, — командует он и бросается вперед.

В эту секунду на шоссе гремит сильный ружейно-пулеметный залп. Слышен свист, а затем разрыв мины. Я вижу стариков-возниц. Они плашмя падают на землю. <...>

— Давайте, — коротко бросает майор и, перепрыгивая через пни и буреломные деревья, мчится к месту боя.

Я бегу вслед за ним. Стрельба не прекращается. Различаю огонь русских и немецких автоматов. У последних резко лающий звук. Пули летят над нашими головами. Слышен их противный свист. Но это не останавливает майора. Он по-прежнему мчится вперед, и его широкая спина с перекрещенными ремнями мелькает среди кустарников и стволов деревьев.

Мы подбегаем к шоссе и видим фигуры наших бойцов, залегших за пни и стволы сосен. Они ведут сильный огонь по немцам, залегшим на противоположной стороне дороги в кюветах. Немцы нам тоже видны хорошо, особенно один фельдфебель с немецким автоматом.

— Много патронов тратят, — бросаю я на ходу.

Майор ничего не отвечает мне и вдруг, взмахнув автоматом, кричит:

— В атаку!

— Ур-ра! — поддерживают его связные, адъютанты и начальник штаба.

Вместе с Болдыревым мы бежим на правый фланг, где расположился отряд Кусакина. Майора я вижу хорошо: он подымает бойцов отряда Горожанкина. Слышен его резкий голос:

— Атака! Атака! Вперед!.. Да подымайтесь же вы, мать вашу так...

Он не сгибается, и пули идут рядом с ним, не поражая его. Болдырев тоже выбегает на передний край и кричит:

— Подымайся! Смелее! Вперед!

Я стою рядом с Болдыревым и, стараясь перекрыть звук выстрелов, тоже что-то кричу, ругаюсь, зову вперед.

— Подымайтесь! — требует Болдырев. — Лейтенант, чего лежишь? А ты, командир отделения? Вперед, товарищи! За мной!

Бойцы ползут, их руки и ноги извиваются, как змеи, но они не в силах оторвать своего тела от земли. Один из бойцов с бледным лицом и испуганными глазами что-то кричит Болдыреву; мне удается разобрать только несколько слов.

— Невозможно... Вы видите, видите?.. — рукою он указывает вперед.

«ГИТЛЕР КАПУТ!»

Немецкие солдаты сдаются в плен бойцам партизанской бригады «Буревестник»

Фотография, лето 1944 г.

Собрание Н. Т. Саблиной, Москва

И вдруг рядом — в кювете, который находится по нашей стороне шоссе, — я вижу длинное и худое лицо немца. Ему, видимо, лет 35. На офицерской фуражке ясно выделяется эмблема «СС» — череп и перекрещенные человеческие кости. Немец этот на секунду показывается из кювета и дает короткую очередь из автомата.

И вдруг мы слышим крик:

— Ранили! Ранили!

Кто это закричал — сам раненый или сосед? Я так и не разобрал этого, ибо в это время Болдырев присел на одно колено, и я увидел его лицо, оскаленное от злости. Болдырев прищурил глаз и выстрелил из автомата. После быстро переменил позицию и дал еще одну очередь. Он бил по офицеру, сидевшему в кювете. Но офицер спрятался за пнем, и Болдыреву не удалось сразу снять противника. Тогда он стал выжидать. Вскоре из кювета показался околышек фуражки, затем длинное уродливое лицо... Короткая очередь из автомата Болдырева, и немец без крика упал навзничь.

А в это время шум слева, где находился майор, все нарастал.

— Ур-ра! Ур-ра! — неслось все более мощно, и, наконец, люди стали подыматься. Мы помчались вперед и выскочили на шоссе. Я увидал четыре машины — большие, покрашенные в белую краску.

— Поджигай! — услышал я голос майора и в это время увидел, что в кювете ворочается человек в зеленой шинели. Только сейчас я заметил, что у меня в руках нет оружия. Сделалось смешно: участвую в атаке, а пистолет вытащить из кобуры позабыл. Рассеянный литератор! Быстро отстегнул кобуру и бросился к немцу. Он увидел меня, обернулся. Это был тот самый немец, в которого бил Болдырев. Лицо его было перекошено, фуражка упала на землю и на виске виднелась кровь. Я увидел его оскаленные зубы — вся верхняя челюсть была золотая.

Дослал патрон в патронник и прыгнул в кювет. Немец что-то закричал, но в эту секунду я выстрелил ему прямо в открытый рот, и он упал, так и не закрыв своих бесцветных глаз.

Оглянулся. Мимо меня, прыгая через кювет, бежали партизаны, над машинами подымались столбы черного дыма, вели пленного с окровавленной щекой и синяком под глазом, кто-то тащил огромный раздутый рюкзак, а несколько партизан толпились посреди шоссе возле уже подоженной машины и вытаскивали из кузова мешки, посылки, чемоданы...

Выстрелы всё еще продолжались.

Я склонился над убитым немцем, срывая с его груди ордена и медали. Вытащил из кармана документы. Немец всё еще хрипел, и из его рта пузырилась кровь, смешанная со слюной. В это время к трупку подбежал какой-то партизан, задрал один, после другой рукав его шинели, и я увидел часы с металлической сеткой. Партизан сорвал часы и куда-то побежал. Ему на смену подошли еще два партизана. Один из них деловито принялся стаскивать с офицера сапоги, а другой, заметив, что я снимаю с офицера погоны, удивленно и даже презрительно посмотрел на меня и проговорил:

— Что ты <...> занимаешься? Одежду сдирать надо, а он в цапки играет.

Я оставил труп и опять вышел на шоссе. Повсюду валялись трупы, большей частью уже раздетые. Партизаны успели молниеносно снять с них одежду.

На шоссе я столкнулся с Мармулёвым. Он по-прежнему был возбужден, только глаза были еще более веселыми, еще более радостными.

— Переднюю машину не жечь. Угоним ее. Где шофер? Где Сухоруков?

— Сухоруков! Сухоруков! — закричали вокруг.

В это время кто-то из партизан сообщил Мармулёву, что убиты командир отряда Горожанкин и командир взвода Животов.

— Горожанкин? — воскликнул майор. — Это точно? Эх, Яша...

Секунду он размышлял о чем-то. А вокруг всё еще суетились вооруженные люди, лица у всех были возбуждены. Пахло гарью, бензином. Дым от горящих машин черными клубами подымался в небо.

Передняя машина, которую майор решил угнать с поля боя, тронулась. Ею управлял партизан Сухоруков.

— Разбирать завал! Быстрее! — закричал майор. — Где пила? Давайте пилу!

Ему подали пилу, и он, быстро став на одно колено, вместе с еще одним партизаном принялся распиливать дерево, валявшееся поперек дороги. Работал он быстро, пила так и звенела под его мощной рукой.

— Оттаскивай, — приказал он и, не дожидаясь, пока его приказание будет выполнено, сам оттащил в сторону отпиленное бревно.

Шофер дал газ и поехал по шоссе в сторону деревни Подсеножатки. Трупы немцев и русских полицейских валялись на каждом шагу. Мы насчитали 20 убитых немцев-офицеров и более 70 трупов солдат и полицейских.

Майор увидел мальчика, лет 13—14, в полной немецкой форме, с черепом на пилотке. Это был юный эсэсовец. Один из партизан хотел пристрелить его, но Мармулёв приказал взять его живьем.

В это время подошел командир первого отряда Семен Заварыкин. Он свою задачу выполнил блестяще и почти всех немцев, думавших прорваться в тыл, уничтожил меткими выстрелами. Он потерял убитыми двух человек — командира отделения Череповского и адъютанта начальника штаба, с которым я вчера ходил в Борки, Леву Коновалова. Связной — Илья Шор⁶ — рассказал мне, что во время атаки Лева один из первых подбежал к кювету, но там сидел немец, и он убил Коновалова в упор. Тогда

Шор залег и выстрелил по немцу из своей десятизарядки. Она была заряжена бронебойно-зажигательной пулей, и немцу снесло весь череп.

Засвистел свисток — это был сигнал отбоя.

А в это время Мармулёв тронул за плечо одного из партизан, державшего под мышкой немецкие ботинки, и сказал:

— Бери валенок и расписывайся, — рукой он показал на обледеневшую дорогу, слегка присыпанную снегом.

Хлопец догадался, широко улыбнулся и валенком написал на снегу: «Мармуль» <...>.

Сдача трофеев к этому времени была уже окончена и отряды отведены в сторону. На дороге, кое-где покрытой затвердевшим снегом, лежали груды различных вещей. Прямо на земле был разостлан большой плюшевый ковер ярко-красного цвета, усеянный желтыми цветами. Рядом были разостланы немецкие одеяла, на которых были свалены кучи самых разнообразных предметов: бесчисленное множество бритвенных аппаратов, помазки всех видов и фасонов, мыло песочное, туалетное, бритвенное, коробки конфет, печенье, плитки шоколада, зубная паста «Хлородонт», гребешки, серые немецкие носки, форменные пиджаки с погонами, крестами и медалями, брюки со следами крови, шинели, сигареты «Юно» в огромных пачках, легкий трубочный табак, сигары, папиросы, безопасные бритвы в красивых бумажках, солдатские вещевые мешки с крышкой из конской шерсти, ящик вина, корзины, наполненные яйцами, сало, жареное мясо, даже одна неоципанная курица и худой посиневший гусь. Было много и русских вещей — подстилок, ковриков, сапог, коробочек палехской работы, занавески, скатерти и другие вещи, наворованные у нас.

Командиры сортировали трофеи. Неподалеку лежало немецкое оружие. Груды винтовок, немецкие, чешские и финские автоматы, прекрасные пистолеты «Радом», «Вальтер» и «Парабеллум».

Вместе с майором мы подошли к грудам военной добычи. Я заметил, что возбуждение майора начало проходить, он стал все больше хмуриться, был чем-то недоволен. Я догадался, что он думает о погибших друзьях и ему неприятна игра мелких страстей, которая неизбежно возникает при дележке трофеев. Он некоторое время следил, как сортируют командиры туалетные принадлежности, одежду и продукты питания, после накричал на без дела толпящихся людей и пошел в сторону, переваливаясь, как медведь, с ноги на ногу в своей толстой белой ватной куртке <...>

Я отошел от трофеев и направился к подводам, на которых лежали убитые партизаны. Для них война окончилась. Им не нужны безделушки, разложенные у дороги. Но они своей смертью заслужили бессмертие. Я увидел Коновалова. Страшно смотреть на мертвое желтое лицо человека, который полчаса назад был еще жив. Полчаса назад! А сейчас глаза у него плотно зажмурены, губы сжаты, а уши почему-то сделались синими.

Был человек, и нет человека. Нет и Горожанкина, окающего ивановского парня, который все беспокоился — не придется ли ему отвечать за то, что он был у немцев в плену...

Отряды выстроены. Командир подымает с земли брюки.

— Кому?

Крики, похожие на стоны, несутся в ответ:

— Мне!

— Мне!

— Дайте мне!

— Я совсем без брюк!

Руки тянутся к зеленым фрицевским брюкам, а в это время на подводах, закрытые одеялами, лежат убитые, завоевавшие эти трофеи, но теперь навеки смолкнувшие, чуждые всему, что творится на этой грешной земле...

— Сапоги!

— Дайте мне сапоги!

— Товарищ командир, сам погляди, что у меня за обувь!

А на подводе ворочается тяжело раненный боец, хрипит и спрашивает:

— Убит ли тот пацан, что шел впереди с офицером?

— Его мы в плен взяли, — отвечает ему возница-партизан.

— В плен? Живцом?.. Ох, дайте мне его... Ведь это он меня из пистолета...

— Кому шинель? — доносится издалека.

И опять начинается рев толпы, и в этом реве теряется тихий горячий голос раненого...

Когда трофеи розданы, мы двигаемся дальше — в деревню Румок, где стоит партизанская бригада им. генерала Рокоссовского.

В Румке нас встречают толпы местных партизан. Все они с любопытством глядят на нас, особенно на пленных, и спрашивают: «Где Мармулёв, какой он?». Когда бойцы показывают им Мармулёва, один из рокоссовцев разочарованно говорит:

— А я думал он старик, с бородой...

Мармулёвцы хохочут, и в их смехе — гордость своим боевым командиром.

Командир бригады Рокоссовского Баранов высылает навстречу Мармулёву оседланную лошадь. Мармулёв скачет в деревню, а мы идем пешком, выпиваем по стакану самогонки вместе с Петей Ловецким, а после, устроившись на ночлег, весь вечер сидим за разбором захваченных документов. И мы выясняем следующее: нами убито 20 немецких офицеров-эсэсовцев, ехавших в отпуск в Германию. Почти все они кавалеры различных орденов. Есть среди них один, имеющий четыре железных креста. Медали имелись у каждого. Кроме офицера убито более 60 человек — солдат и русских полицейских. Захвачена почта в Германию, в которой по всей вероятности найдется немало интересного.

23 февраля. С утра Мармулёв встал с головной болью, вчера его как следует угостили у рокоссовцев. Но все же настроение у него было отличное, он потребовал у Ловецкого немецкие ордена, надел форменный френч, нацепил пару железных крестов, серебряную немецкую медаль за заслуги, значок фашистской партии, нюрнбергский значок с хищным германским орлом и отправился гулять.

С утра я сидел дома, приводя в порядок впечатления пережитого и записывая воспоминания командиров отрядов о вчерашнем бое.

В середине дня хоронили убитых товарищей. Медленно двигались через деревню хмурые колонны вооруженных людей. Впереди — на руках несли четыре гроба; в них лежали тела Горожанкина, Животова, Коновалова и Череповского. Несли венки, сплетенные из стелющегося по земле моха. Прошли мостом, миновали шумящую водяную мельницу и, поднявшись на пригорок, остановились в соснах, где была вырыта большая яма.

Первым у гроба погибших выступил Мармулёв. Снял с головы авиашлем и по-простому начал:

— Товарищи! В честь 26-й годовщины нашей родной армии мы сделали засаду и уничтожили около 100 немцев и их наемников. Но подлый враг вырвал из наших рядов четырех прекрасных товарищей. Спи, дорогой Яша Горожанкин, спокойно спи, Животов, Коновалов и Череповский. Знайте, что мы отомстим за вашу гибель. За смерть одного партизана — погибнут десятки и сотни озверевших гитлеровцев. Смерть немецким оккупантам!..

Один за другим выходили старые друзья погибших — Шаковец, Темирканович⁶ и другие <...>

Медленно стали опускать гробы. Первым поставили гроб с телом Горо-

жанкина. За ним — Животова. Остались два гроба — с телами Коновалова и Череповского. Гробы были уже заколочены, и один из партизан спросил:

— Это чей?

— Коновалова...

— Давай...

Стали опускать гроб. Двое спрыгнули в яму, двое подавали.

— Смотри, не переверни.

— Эй, голова, осторожно!

— Не учи ученого...

— Да не ругайтесь же вы, черти.

Майор, стоявший рядом со мной, тихо сказал:

— Им ничего больше не нужно. Не нужны даже ваши писания...

— Книга дает человеку славу. А слава рождает бессмертие, — ответил я.

— Бессмертие нужно только живым, — ответил майор резко и безапелляционно. Я не согласился с ним, хотя больше ничего не сказал <...>

29 февраля <...> Вечером ко мне зашел Шор. Мы долго беседовали с ним по вечному еврейскому вопросу — об антисемитизме. Шор — еврей, родом с Украины. Он окончил школу лейтенантов, был на фронте, попал в плен, но никто не мог определить, что он еврей. Все было бы хорошо, но нашелся один подлец — бывший его сослуживец — и он написал на него заявление, и Шора чуть было не расстреляли — его спасла только хитрость: он с группой евреев сидел в тюрьме, после пришел полицейский и приказал выходить всем, кроме лейтенанта. А в камере находился один умирающий от голода человек. Дело в том, что евреев не кормили, и Шор, имевший 100 граммов хлеба, делил его на семь человек. Пить не давали, и люди пили собственную мочу. Так вот, один еврей не мог выйти, и Шор решил: будь, что будет, и вышел вместо него. Полицейский пересчитал их и спросил, где лейтенант.

— В подвале, — ответил Шор.

Тогда полицейский зашел туда, и Шор услышал выстрел. После остальных погнали по городу. Люди качались от голода. Шор вспомнил, как тупым ножом резал он дубовую дверь в подвале, надеясь убежать. Подумал, что это было бессмысленно: у него все равно не хватило бы сил для побега. Пока гнали через город, немцы пристрелили троих, а троих сдали в Арбайтенлагерь СС, в тот самый, в котором сидел Цибульский⁷. Здесь Шор получил желтые латы⁸ и ходил на работу в лазарет СС. На работе шинель выворачивал и выдавал себя за украинца. Ему удалось недурно устроиться, он торговал одеялами, простынями, обувью, скопил вместе с товарищами большую сумму марок и договорился с полицейским, который взялся помочь им в побеге. Но полицейский их предал, и все были расстреляны и замучены прямо на работе. Спасся только один Шор, который работал столяром и которого спрятали в мастерской немец. Вскоре Шор совершил вторичный побег, на этот раз удачный — и с мая 1943 г. он в бригаде Мармулёва. Здесь он успел отличиться храбростью, сметкой и находчивостью <...>

3 марта. Весь день работал над очерком «Мармуль». Вчерне окончил. Вечером был на вечере, где партизаны с девушками плясали дрыгалку-польку. Пары смешно подпрыгивали, что в Белоруссии считается верхом шика.

В 23.30 — сводка. Наше правительство на запрос Финляндии о мире выставило свои требования, первое среди которых — интернировать немецкие войска. Наши успешно наступают и в районе Нарвы, и у Пскова, и у Кривого Рога.

4 марта. Перечитывал и доделывал статью. Сам не знаю — хорошо или плохо получилось. Читал очерк Мармулёву и Болдыреву. Мармулёв после чтения засмеялся и сказал коротко:

— Порядок.

Болдырев подтвердил:

— Толково.

Но всё же у меня самого нет еще определенного мнения о статье.

10 марта. Опять пошел снег. Все бело, но, конечно, это не надолго. Сейчас собираюсь вместе с врачом Николаем в санчасть, находящуюся при лагере Сидякина; там я должен буду почитать свои очерки нашим раненым.

В санчасть пошли вчетвером — Мармуль, <комиссар бригады> Рябуха, врач и я. Большая полутемная землянка. Около 20 человек раненых, все выздоравливающие. Только один очень тяжелый случай — прострелены легкие. Большой высох и напоминает скелет. Особенно страшны руки, худые, как спички; видны кости, обтянутые белой, словно неживой, кожей.

Выздоровливающие толпятся между нар. У некоторых подвязаны руки, некоторые на костылях.

Комиссар входит первым с папирской в зубах.

Его не узнают и начинаются дружные крики:

— Сорок!

— Двадцать!

— Я первый заказал...

— Ну, хоть десять оставь!

Комиссар улыбается и вытаскивает портсигар:

— Закуривайте, товарищи...

Все задымили. Майор поочередно обращается к бойцам, спрашивает о здоровье.

— Не везет же тебе, парень, — обращается он к полному партизану с несколько одутловатым лицом. — В третий раз ранят.

Партизан вяло улыбается и возражает:

— Напротив, товарищ майор: очень даже везет. Три раза ранен и ни разу не убит.

Все смеются.

Мы усаживаемся, и я читаю бойцам очерк «Мармуль» и песню. Раненые дружно смеются, когда я читаю запутанное объяснение бабы с комбригом, ее рассказ о подвигах Мармулёва. Затем, когда я перехожу к чтению тех страниц, где описывается бой и особенно смерть Горожанкина, — лица делаются строгими и серьезными.

Чтение окончено. Меня благодарят, просят еще заходить. Но у меня осталось неясное впечатление: понравился ли бойцам мой очерк или нет? У самого у меня нет твердого мнения — хорошо ли я написал его. Во всяком случае, в дневнике бой и особенно дележ трофеев описан интересней...

17 марта. <...> Между прочим Мармулёв предложил мне подготовить сборничек песен и стихов. Есть возможность издать его подпольно в наших лесных типографиях. Это очень заинтересовало меня, и я весь вечер сидел за составлением плана этого еще не написанного сборника. Думаю разбить его на два основных отдела: 1) жизнь в оккупированных районах, 2) борьба партизан против оккупантов.

18 марта. В Липняки приехало все начальство — заместитель командующего — Сабодаш, секретари РК — Альхимович, Немчин и Лапидус. После деловой части, на которой обсуждался вопрос о распределении между бригадами деревень нашей партизанской зоны, с тем чтобы каждая бригада имел свой участок обороны, а также место для хозяйственных заготовок, — начался обед, и я был приглашен к столу. После изрядной выпивки

«ПАРТИЗАНЫ В ПОХОДЕ»

Рисунок В. И. Курдова (карандаш), 1945

Третьяковская галерея, Москва

меня попросили прочитать новые мои стихи и очерки. Я читал очерк «Мармуль» и две песни. Сабодаш крепко пожал мне руки и сказал, что еще ничего подобного по силе и правдоподобию ему не приходилось читать о нашем движении.

Неужели это так? Думаю, он все-таки преувеличивает... Вечером слушали радио. Передавалась какая-то поэма, рассказывающая о том, как красноармеец-разведчик по прозвищу Ежик ходил во вражеский тыл и в какой-то сожженной деревне познакомился с девушкой, влюбился в нее, пошел на свидание и поймал немца. За доставку языка генерал наградил его буркой, и он поехал дальше воевать, унося в сердце образ любимой девушки. И вдруг, в конце передачи сообщили, что у микрофона выступал комсомольский поэт Лев Ошанин⁹. Лева! Он был на курс младше меня и как вырос он за время войны! Его вещи транслируются по всему миру, весь мир слышит его голос. А для кого работаю я? Ведь до войны я тоже писал книги, мои вещи тоже передавались по радио, а теперь? Возможно, я работаю впустую, и все мои труды даже не доходят до Москвы?

После окончания передачи ко мне подошел Альхимович и сказал:

— Я внимательно следил за выражением вашего лица. И я всё понял. Вам надо сесть за бумагу всерьез. Хватит мотаться. Нужно писать. А то ваши друзья перегонят вас...

Я был поражен его словами. Как он хорошо понял меня! Молодец Альхимович! Молодчина этот высокий и худой учитель, сто учеников которого сейчас воюют в партизанских отрядах!

22 марта. Составил примерный план книги стихов. Затем сел и быстро написал стихотворение «Партизанское кладбище» — о кладбище в Колодино <...>

23 марта. Еще лежа в постели, я начал складывать стихотворение о заключенном, что томится в фашистской тюрьме. Не умываясь, сел за стол и в один присест написал все стихотворение. Назвал его «Мечта заключенного». В этом стихотворении — моя боль, моя тоска, когда я томился в немецкой неволе. После завтрака написал еще одно стихотворение «Казнь партизана» и детский стишок «Маленький партизан». Меня словно прорвало, и я шутя сказал сегодня Ловецкому, что у меня «стихотворный понос».

24 марта. Написал два стихотворения: «На гроб Яши Горожанкина» и призывное «В ружье, народ!». Последним стихотворением можно будет начать весь сборник.

Сегодня получено тяжелое известие: в Тростище немцы захватили четырех наших товарищей, среди них попались живьем маленький Трухан, которого я немного знал, и еще один боец. Один партизан был убит, один успел покончить с собой. Наступление немцев было ответом за нашу последнюю засаду на Слуцко-Минском шоссе. Немцы дошли до Волчьего острова и там более суток сидели в засаде. Кроме немцев, было много русских добровольцев во главе с полковником Петровым. Это настоящая фашистская сволочь. Его бандиты называют себя «петровцами». Это они сожгли Черную Слободу и ряд других деревень.

25 марта. Ночью в голову пришло несколько строк, и я постарался их запомнить. Утром написал стихотворение полностью. Назвал его «На пепелище». Оно, без сомнения, написано под непосредственным влиянием тех пожаров, которые мне приходилось видеть, а главным, последним толчком был разговор с капитаном Сабодашем о Жарове и об эпизоде из фильма «Оборона Царицына»¹⁰. Кроме этого написал совсем слабое стихотворение «Ой, вы кони».

27 марта. Написал стихотворение «Надежда», но не знаю — включать ли его в сборник. Кому посвятил — ясно само собой, но не знаю, будет ли это звучать¹¹. Дойдет ли?

28 марта. Опять «стихотворный понос». В день написал три стихотворения: «Мой вольный голос», «Сестра Лида» и «Неразрешимые вопросы».

«Мой вольный голос» — это программное стихотворение, определяющее лицо всего сборника. Я пою вольно, свободно, без всякого приказа извне — Родину, Советы, Сталина. Мне это стихотворение нравится своими мыслями, хотя написано очень примитивно.

«Лида» — песня о сестре милосердия, которая погибла в прошлом году под Борисовом. Служила она в бригаде Мармулёва.

«Неразрешимые вопросы» — нечто грустное, в духе Есенина, но, конечно, — много слабей. Там нет умных есенинских строк: «С кем мне поделиться той грустной радостью, что я остался жив»¹², но зато много воды — чего-то недосказанного, недоделанного. Короче говоря, — слабо.

29 марта. А все-таки мне очень хочется дать хорошее лирическое стихотворение. Мучался весь день и написал стихотворение «Моя Москва». Оно навеяно вчерашними событиями: вчера я слушал по радио, как гремят над Москвой пушечные салюты. Москва салютовала войскам 2 Украинского фронта, подошедшим к Пруту и, таким образом, достигшим нашей государственной границы. По радио была слышна моя дорогая и дале-

ГРУППА СОТРУДНИКОВ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ МИНСКОГО ПОДПОЛЬНОГО ОБКОМА КП(б)Б
«ЗВЯЗДА»

Во втором ряду — секретарь Минского подпольного обкома КП(б)Б, Герой Советского Союза И. А. Бельский (первый слева) и командующий соединениями минских партизанских отрядов, Герой Советского Союза генерал-майор В. И. Козлов (второй слева)

Фотография, 1943—1944 гг.

Собрание Н. Т. Саблиной, Москва

кая Москва, гудки автомобилей, крики детворы. И вот тоска о Москве — это и есть тема моего сегодняшнего стихотворения. Кроме того, написал несколько частушек и решил все это переписать. Сел с Галей за работу, и к вечеру сборничек был готов. Что вышло — сам еще не разберу. Пусть пока полежит.

3 апреля. Утром выехали вместе с Мармулёвым и его бригадой на операцию в район Пуховичей. Задача — сделать засаду на полицейских, которые так обнаглели, что стали ежедневно ездить по нашим деревням. По дороге Мармулёв рассказал, что во время вчерашнего боя отряды Зыкова и Заварыкина выгнали немцев из Кабаличей, убили около 30 немцев, много ранили, окружили их в лесу и перебили бы всех, но отряд «Белорусь» отошел, и нашим пришлось сняться. Захвачены трофеи — патроны, лошади, скот. Все коровы, взятые немцами в Кабаличах, отбиты обратно. Но в бою мы понесли большие потери — убитых 8 человек, раненых 12.

Дорога на Пуховичи идет сожженными деревнями. Затем, через болото, подъезжаем к хорошей насыпной дороге, со всех сторон утыканной противотанковыми надолбами. С обоих краев дороги — болото. Пока оно еще держит, но возле канавы уже начало подтаивать, и виден труп лошади, увязшей в болоте. Из-под земли видна только морда с пустым глазом. Видимо, птицы выклевали (<...>)

4 апреля. Через Сенчу мы выехали в Виторж, а оттуда в Дубровку. До райцентра Пуховичей осталось всего семь километров. Город виден как на ладони. Большие 4-этажные дома ровной лентой тянутся до самого горизонта. Там немцы. Там тюрьмы. Там смерть.

Ночуем в Дубровке. Всё ожидаем, не поедут ли полицманы. Но они всё не едут.

Местная жительница рассказывает мне, что с неделю назад немцы полностью сожгли соседнюю деревню Великая Доля. Дело было так. Ночью немцы сделали возле деревни засаду против партизан. Партизаны узнали об этом, обстреляли немцев и одного убили. Тогда в бессильной злобе немцы обрушили свою месть против жителей деревни Великая Доля. Они сожгли все хаты и убили более 20 человек. Среди них 60-летний старик Гайдученок Алексей с женой, старик Юзеф Костюк, его внуки — пять человек в возрасте от одного до восьми лет, Анюта Зубарина 25 лет с двумя детьми. На следующий день оставшиеся в живых люди собрали головешки от сгоревших покойников и схоронили их.

— Если вы, хлопчики, у нас немцев бить будете — пропадем мы, горемячные... Скажите, что нам делать?

— Пока сидеть и не плакать. А в случае чего — отойдете вместе с нами, — отвечаем мы.

5 апреля. Нам не повезло: немцы не поехали. Около двух часов дня мы снялись из Дубровки и через Сенчу поехали в Липняки.

Встретил Менакера — он рассказал, что вчера в Липняках был Сабодаш и сообщил официально, что во время боя в Кабаличах убит гауптман Петров. При нем захвачен важный документ — на немецком языке. Менакер делал перевод этого документа. В нем сказано, что главную опасность для немцев представляет бригада Мармулёва, указаны довольно точно численность всех трех отрядов, вооружение, количество артиллерии, дислокация и т. п. Сказано прямо, что штаб стоит в Липняках.

Это — работа изменников. Их только расстреливать, как можно больше расстреливать! Мы — преступно мягкотелые люди, и за это нам приходится расплачиваться жизнями наших товарищей.

6 апреля. Приводил в порядок дневники и написал «Марш народных мстителей» — о диверсантах-сидякинцах. Работал целый день и очень надоело.

13 апреля. Наступили отличные, совсем весенние дни. На окружающих болотах появилось очень много уток, то и дело слышен свист дрозда, выговаривающего свою обычную фразу: «Мужик, мужик!.. Сало кап-кап-кап...» Небо безоблачное, ясно-голубое. Оживает трава. На солнышке зазеленела уже травка, пробиваются сквозь еще не оттаявшую землю мохнатые листики земляники.

Мы долго бродили с Валерием — работником ЦК комсомола — молодым и очень дружеским хлопцем, вот уже два года работающим в тылу¹³. Он исколесил за это время почти всю Белорусь, прошел от фронта пешком более 1000 км и везде восстанавливал подпольные комсомольские организации, которые теперь имеют свои РК в каждом районе Белоруссии.

Аккуратный, подтянутый, всегда с чистеньким подворотничком, в новой зеленой фуражке с маленькой звездочкой, с пистолетом и автоматом, Валерий являет собой образ смелого, скромного, даже застенчивого молодого человека, настоящего комсомольца — до конца преданного Родине и одновременно с этим морально чистого и не лишенного даже некоторой доли сентиментальности. Сегодня мы разговорились с ним. Долго бродили по холмам, на которых расположены андреевские землянки, и он рассказывал мне о самых интимных — сердечных своих делах.

Он полюбил девушку, молоденькую сестру из бригады Андреева, — Марусю Петрович. Она родом из деревни Колодино, является родной сестрой Алексея Петровича — одного из основателей партизанского движения в районе Минска. Среднего роста, с косичками, закрученными вокруг головы, крупным и мягкого очертания носом, добрыми и веселыми глазами, она не таит в себе каких-либо особых качеств — ни внешних, ни внутренних. Девушка, каких много. Но Валерий от души полюбил ее и сейчас, волнуясь и то и дело пожимая мне (для большей доходчивости) руку, он говорит о своих чувствах и строит воздушные замки будущей счастливой жизни.

— Сейчас я не хочу связывать ее судьбу со своей. У меня есть своя работа, у нее — своя. Но после войны, конечно, если останемся живы, мы должны быть вместе! Когда я говорю ей это — она не верит, она думает, что я найду другую, лучшую... Но мне никого не надо. Я люблю ее, люблю ото всей души, и мне не надо никакой другой девушки...

Мы говорим долго, долго. Валерий советуется со мной, жмет руки и в конце концов, полный восторга любви, говорит, что готов меня немедленно расцеловать.

Я улыбаюсь, мне приятно видеть столь цельное чувство, но я подхожу к этому как человек поживший, повидавший кое-что на своем веку, и снисходительно улыбаюсь, глядя на шалости ветреной юности.

И кроме того, как всегда, я думал и о своих будущих работах, думал о том, что в моей партизанской повести нужно будет обязательно оставить место и для любви. *Обязательно.*

14 апреля. Капитан всё еще обнадеживает меня, что на днях будет бумага. Это было бы замечательно! Сразу же издал бы сборничек и стихов и очерков.

С капитаном мы тоже бродим по окрестным холмам, любимся однообразным видом болот, и он рассказывает мне эпизоды из своей жизни. В частности, рассказал он, как был начальником штаба одного из полков особой дивизии, оборонявшей Москву. Ездил на какой-то завод, где делались металлические козырьки на стрелковые ячейки, и рабочие окружали его и спрашивали: «А отстоите? А не дрогнете?» И это было очень страшно. Рабочие, москвичи требовали — умрите, но врага не пустите в Москву. Умрите, но победите! И мы шли на смерть. Именно на смерть, ибо никто не верил, что останется жив. Но шли мы на смерть спокойно, грозно, с сознанием, что делаем большое и полезное дело. И своим презрением к смерти мы оказались сильнее противника.

19 апреля. Если когда-то писатели страдали из-за отсутствия тем, то война дает им такое обилие материала, что хватит на целое десятилетие <...>

Темы меня одолевают. Их так много, что я просто не знаю — за что взяться. Пожалуй, сейчас нужнее всего короткий и действенный очерк. На меня весьма сильное впечатление произвела книга очерков Константина Симонова ¹⁴. Я всегда говорил, что он вырастет в замечательную величину в нашей литературе, и я не ошибся. Он за время войны стал в один ряд с Эренбургом — нашим наиболее талантливым журналистом, перо которого так и дышит ненавистью. И вот, памятуя книгу очерков Симонова, в основном очерков фронтовых, мне захотелось написать книгу очерков партизанских. Недавно попалась мне очерковая книга «В Брянских лесах», издана недавно — подписана в печать в октябре 1943 г. ¹⁵ Как слабо! Как мало убедительно! Я бы мог рассказать значительно больше, правдивее, интереснее <...>

Последний месяц — март — я исключительно сидел над стихами, даже дневник запустил — так увлекся. И вот у меня готов сборничек из 20

«МИНСК ПАРТИЗАНСКИЙ»

Рисунок А. В. Кокорина (тушь, перо). Июль 1944 г.

Центральный музей Вооруженных сил СССР, Москва

стихотворений. Конечно, это не «большая» поэзия. Но я уверен, что это нужная, наша, советская поэзия. В стихах этих я — прежде всего и больше всего — гражданин Советского Союза.

Наконец, я проделал кое-какую работу по сбору воспоминаний. Ведь нужно же будет писать историю партизанского движения Минской области. И дальше. Мои дневники, возможно, ненужные и неинтересные для других — мне очень дороги. Пожалуй, они дороже мне, чем все статьи, очерки и стихи. Они полны наблюдений и личных партизанских переживаний, которые впоследствии могут вылиться то ли в книгу, то ли в ряд отдельных вещей.

Но всё же — это очень и очень мало! Жизнь дает такое обилие интереснейших фактов, что чувствуешь себя преступником, что не рассказываешь нашему народу об этом. Вот сидит сейчас рядом со мной Валерий, читает чей-то отчет из Червенского района и восклицает:

«ПАРТИЗАНСКАЯ „БРИГАДА БУРЕВЕСТНИК“»

Рисунок А. В. Кокорина (тушь, перо). Июль 1944 г.

Центральный музей Вооруженных сил СССР, Москва

— Это прелесть! Очень нравится мне: «Подрывная группа под руководством комсомолки Променовой спустила в марте месяце два вражеских эшелона».

Написано коротко, а сколько под этим скрывается! И если удастся побывать в Червене, обязательно напишу о ней. Вообще, необходимо написать о девушках.

Короче говоря, на самое ближайшее будущее у меня такой план: написать ряд новых очерков о партизанах и о Минске. Вот перечень тем:

1. Сила жизни (о минском гетто; Розочка).
2. Подпольщица.
3. Братья (о братьях Бельских — командующем соединением и бойце).
4. Агония оккупированного Минска.
5. Денщик немецкого офицера (Митя из группы Филоновича).
6. История одной переписки (Митя и обер-лейтенант Волков).

7. Мальчик Шлема (бригада Белорусь).
8. Священник-партизан.
9. Советский диверсант (Бачило Федор — 3 Минская).
10. Отцы и дети (3 Минская; командир отряда им. Щорса).
11. Подпольная типография.
12. Партизанские производства.
13. Детоубийцы (сожжение деревень Руденского и Пуховичского районов).

Это — беглый, скороспелый и далеко не полный список тем. И я знаю — даже этот план не будет претворен полностью в действительность, ибо жизнь дает десятки новых тем, и обязательно отклонишься в сторону¹⁶.

Очень хочется также написать полноценную художественную повесть о Шульмане. Для этого мне нужен месяц срока. И я не смею позволить себе эту роскошь, хотя знаю, что и повесть была бы нужна и своевременна. Теперь о стихах. Только что окончил сборник, а, по правде говоря, уже сегодня можно садиться за новый сборничек. И опять он будет полон гражданских мотивов, опять будет призывать к борьбе <...>

Я уже не говорю о темах плена. Это тоже целый цикл рассказов, но это ~~не~~ сейчас, не сейчас.

Так выглядят на сегодня мои планы. Но это — чисто литературные мечтания. Кроме этого, есть самое основное — война. Нужно быть солдатом. А это неминуемо вносит коррективы во все литературные планы <...>

21 апреля. В голову лезут какие-то стихи. Сам не знаю, что за наваждение.

Ключ вечности — Полярная звезда!
 Не пляшешь ты на звездном хороводе,
 Недвижимо стоишь на дальнем небосводе:
 На север смотришь ты всегда.
 Ты указала путь из тьмы
 Мне темной ночью однажды,
 Когда бежал я из тюрьмы,
 Мучимый голодом и жаждой.
 Болотом топким я бежал
 В леса дремучие, глухие.
 Гроза гремела. Я внимал
 Разбушевавшейся стихии.
 Куда идти? Где враг? Где друг?
 Где пуля ждет меня лихая?
 Вдруг вижу я: горит меж туч
 Звезда Полярная, родная.
 Я по звезде направил путь
 Звериной узкою тропой,
 И твердо знал, что где-нибудь
 Я встречу вас — лесов герои!
 И день настал — я с вами навсегда!..
 Так пусть горит, дорогу освещая,
 Горит в веках, горит не угасая,
 Ключ вечности — Полярная звезда!

Это стихотворение, написанное только что, залпом, пришло мне в голову после прочтения стихотворения Бенедиктова «К Полярной звезде». Иногда в партизанских условиях неожиданно встречаешь такие книги, что просто можно удивиться. Так, например, у Сороки партизаны до дыр зачитали «Декамерона», в отряде «За родину» командир отряда при мне рекомендо-

вал Сабодашу прочесть имеющуюся у него книгу Апулея «Золотой осел». Видел я и Салтыкова-Щедрина, и «Всадника без головы», и самые последние издания — очерки Симонова, статьи Эренбурга, сборник посмертных произведений Янки Купалы, встречал и сонники, и книги по хиромантии, и черную магию, и Библию, и статьи Сталина об Отечественной войне. Короче говоря, чего только не встретишь в нашей партизанской семье! А вот в подпольной типографии Руденского районного комитета партии я достал и Бенедиктова. К слову о типографии. Привыкли мы к партизанщине и все, что ни делается у нас, кажется нам будничным, обычным. А ведь подумать только — подпольная типография! Одно слово что значит!

Сегодня я начал печатать сборник стихов. В связи с этим надо рассказать, что из себя представляет подпольная типография. Неподалеку от штаба бригады — через небольшое болотце, на холмике, поросшем сосняком, — расположились землянки Руденского РК. Прежде всего, конечно, виднеется шалаш кухни. Там, прямо на костре, готовят обед. Затем виднеются три землянки — «комсомольская», «партийная» и «редакционная». Как и обычно, землянки обсажены елочками и молодыми соснами. Двери — со стороны болота. Насыпан «тротуар» из песка.

Землянки выстроены из неструганных сосновых бревен, потолок, чтобы не капала смола, обтянут бумажными обоями. Заходим в редакционную землянку. Четыре койки, посреди — обеденный стол. Возле окна — второй высокий стол, на нем кассы со шрифтами. Под столом в чемодане — портативная печатная машина. Она получена год назад, из Москвы.

В землянке — родной, волнующий запах типографской краски. Невольно вспоминаются огромные солнечные залы комбината «Правда», колоссальные ротации... Вспоминается Первая Образцовая, где печатался мой «Чрезвычайный комиссар». А вот теперь мне приходится тайно, в глухом лесу, издавать свои стихи, в которых я несу народу правду о немцах — жестоких и обезумевших от крови оккупантах, в которых я рассказываю о величье нашей партизанской борьбы. Ничего, переживем, и вновь произведения наши будут издавать не по сто экземпляров, как сегодня, а сотнями тысяч, как вчера!

Машина в подпольной типографии настолько мала, что можно одновременно печатать только четыре страницы. Это максимум пропускной способности за день. Делаем разметку, и наборщики берутся за верстатки. Буква за буквой ложатся литеры на металлическую дощечку. Возникают знакомые, выстраданные слова, знакомые, выстраданные мысли:

Народ в ярме, земля в плену...
Позор и стыд молчать!
Твой долг — спасать детей, жену,
Отечество спасать!

Этим стихотворением я открываю сборник. Весь он наполнен святой непримиримой ненавистью к фашистам, преданностью матери-Родине. И пусть стихи мои слабы, бледны с точки зрения формы. Но они полны искреннего, от сердца идущего патриотизма. И в этом я вижу их силу.

Набор готов; я корректирую, после чего приступаем к печатанию. Часть набора дает бледный оттиск. Нужно сделать подклейку на барабан. Но чем подклеить? Выход по-партизански прост: мы пальцами собираем смолу, что, словно слеза, висит на бревнах в местах пореза, вымазываем ею бумагу — и «синдетикон» готов.

Один из наборщиков подает чистую бумагу, сам главный редактор — широколицый Миша Сиротко крутит ручку печатной машины, валики вращаются, туда и сюда ходит набор, и из барабана вылетает уже отпечатанный лист. На моей обязанности подхватить его и уложить на стол.

Быстро идет работа, и через каких-нибудь полчаса весь «тираж» первых четырех страниц отпечатан. Всего в книге 24 страницы. Значит, будем печатать шесть дней.

Конечно, тираж можно было бы и увеличить, но нет бумаги. Сейчас почти все районные газеты не выходят из-за острого бумажного кризиса. Немцы расстреливают каждого, кто выходит из города с чистой бумагой. Они говорят: «Партизанам на листовки несешь?»

И все же листовки печатаются. Их издают на самой скверной, подчас даже на обойной бумаге, и каждый день советские люди во вражеском тылу читают «Вести с Советской Родины». Листовки попадают в Минск, в Руденск, Пуховичи, Старые Дороги... Сейчас Сиротко занят подготовкой выпуска первомайского номера подпольной газеты. <...>

23 апреля. С утра — в типографии: вычитка гранок, последняя корректурная правка, а после обеда — печать. В день делали четыре страницы. Очень жаль, что так мал и беден тираж — всего 125 экземпляров.

24 апреля. Стихотворение «Полярная звезда» я посвятил Моисею. Воспоминания вновь одолели меня, я вновь увидел его в Дятловичах, когда мы взрывали вражеский железнодорожный мост¹⁷, вновь припомнилось, как он с колена стрелял по немцам под Осиповичами, а я без винтовки лежал рядом с ним. И вот быстро и легко я написал стихотворение «Месть». Оно начинается таким четверостишием:

Я видел месть. Оскал зубов я видел,
Когда с колена он стрелял
И сноп огня вокруг сиял.
Я силу ненависти видел!

Стихотворение мне понравилось. Я прочитал его редактору Руденской газеты, и он порекомендовал включить «Месть» в сборничек. Только он настоял, чтобы стихотворение это посвятить подрывникам 2 Минской бригады. После некоторых колебаний я согласился.

29 апреля. Целый день сидел над очерком или, вернее, рассказом «Сила жизни». Это о Розе Бажмович — девушке из Минска, проживающей сейчас в Липняках. Рассказ получился, по-моему, недурно. Пока доволен.

Вышел в свет тираж моего сборника. Осталось только сброшюровать. Но нет проволоки.

30 апреля. Сокращал свой рассказ «Сила жизни». Выкинул почти половину, и любопытно — не только без ущерба, но и с пользой для дела.

У радистов достал тонкой проволоки, и наши типографщики к вечеру сдали мне все 113 экземпляров книги. 12 экземпляров редакция оставила для себя. Вечер был занят тем, что распределял книги. Надо разослать по всем бригадам, райкомам, послать в Штаб Соединения — Бельскому, в Главштаб — Козлову и другим, а также в ССП, «Молодую гвардию» и в другие московские издательства и учреждения.

4 мая. Продолжал работу над «Братьями». Идет дело медленно, хочется сделать получше, поглубже показать и город и подполье. Сейчас в голове ясно сложился сборник очерков о городе. Вот он:

О черки о непобежденном Минске

1. Незавоеванный город.

2. Братья.

3. Вандалы.

4. Учительница.
5. Сила жизни.
6. Предатель.
7. Человек из лагеря мертвых.
8. Смертью смерть поправ.
9. Агония оккупированного Минска.

Написано пять, четыре нужно написать. В оставшихся еще ненаписанных очерках особое внимание необходимо уделить быту города Минска, рассказать о приспособленцах, которые пристроились к немецкой власти и кое-как существуют, спекулируя и воруя. Это глубоко беспринципные и безыдейные люди, для которых вопрос личного самосохранения является основным и определяет все их поведение. Они боятся активной работы, ибо за это можно пострадать, можно еще чего доброго угодить в гестапо. И они сторонятся партизан, они шепотом рассказывают друг другу о взрыве на железной дороге или на ТЭСе, даже удивляются смелости патриотов, но сами остаются в стороне от освободительного движения. Это один тип людей, которых показать необходимо. Думаю, что в основном эти люди будут показаны мною в «Учительнице» — рассказ о подпольщице, присланной со спецзаданием из Москвы. Эта учительница — Нина Ивановна. Частично эта публика будет показана в «Предателе» и в «Смертью смерть поправ».

Другая категория людей — это трусы и шкурники, тоже по существу безыдейные, но пошедшие на сделку со своей совестью, пошедшие на предательство во имя спасения собственной жизни. Таков основной персонаж рассказа «Предатель» — Василий Пинязик.

В рассказе «Смертью смерть поправ» я думаю показать смерть патриота, рассказать о последнем дне человека, приговоренного к смертной казни и твердо верящего в то, что он не один, что за ним стоит Родина. Тема рассказа — патриотизм, героизм осужденного, бессмертие, завоеванное смертью.

Последний рассказ, вернее, статья — «Агония оккупированного Минска». Она должна подытожить все материалы о городе и дать общую обстановку оккупированной столицы в дни, которые предшествуют освобождению ее от фашистов.

Таков первый мой сборник очерков. Я должен сделать его полностью за май 1944 г.¹⁸

15 мая. Работал над рассказом «Честь знамени»¹⁹. Это должна быть сильная вещь, но не знаю — можно ли открыто говорить об отступлении так, как говорю я. Но это правда, и я решил писать.

17 мая. Вечером окончил «Честь знамени». Получилось длинновато, надо будет, чтобы немного «остыло», а после — сократить. Но сейчас работать не могу.

Был Диденко. Я прочитал ему последние свои вещи: «Силу жизни», «Знамя партизанского отряда» и черновой вариант «Чести». Все эти вещи очень понравились ему, особенно «Знамя». Он попросил переписать этот очерк для себя, чтобы разучить его и выступать с ним на наших партизанских концертах. Я, конечно, дал полное согласие. Относительно «Чести» он сказал, что его удивляет честность, прямота и смелость, с которой я рассказываю о первых месяцах войны. Но можно ли так откровенно говорить об этом? Я чувствую, что не только можно, но и должно. Хватит глупо бахвалиться, мы достаточно сильны, чтобы говорить только правду. Это я чувствую сердцем своим, а сердце у меня русское и советское.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рассказ «Волчье братство» не был написан.

² Петр Спиридонович Ловецкий — заместитель командира бригады «Буревестник» по разведке и контрразведке; тогда его должность называли: начальник ОО (то есть Особого отдела) бригады. В настоящее время живет в Минске, работает заведующим партизанским отделом Белорусского государственного Музея истории Великой Отечественной войны.

³ В рассказе Ловецкого есть неточности: Михаил Глебович Мармулёв встретил войну младшим лейтенантом, начальником связи дивизиона 223 гаубичного полка, под г. Гродно. Около 29 июня, когда полк с боями выходил из окружения, Мармулёв был ранен и доставлен сначала в Минск, а затем в Борисов. В середине декабря 1941 г. он с группой товарищей организовал партизанский отряд и был назначен его командиром. В архиве Саблина сохранилась копия стенографической записи беседы с Мармулёвым, которую проводил 16 августа 1944 г. научный сотрудник Музея истории Великой Отечественной войны в Минске Ф. Еловцан. В ходе беседы Мармулёв подробно рассказал о своей боевой жизни в годы войны.

⁴ О Моисее Шульмане см. в предисловии.

⁵ Илья Михайлович Шор — связной, затем адъютант командира отряда им. Громова, позднее — командир взвода. В настоящее время живет в Латвии, работает в системе Госбанка.

⁶ Михаил Темирканович *Кульчиев* — комиссар отряда им. Кутузова, парторг бригады «Буревестник» По национальности балкарец. В настоящее время живет в Нальчике.

⁷ Под фамилией Цибульского в дневнике выведен Михаил Львович Цебулевский, о нем говорится в записи от 28 апреля 1944 г., не вошедшей в настоящую публикацию. О судьбе Цебулевского в плену Саблин рассказал в очерке «Человек из лагеря мертвых».

⁸ Желтые латы — нашивки, которые обязаны были носить на верхней одежде пленные евреи.

⁹ Имеется в виду поэма Льва Ошанина «Последний рейд Ежика». Отрывки из нее были напечатаны в «Комсомольской правде» (1944, № 57, 8 марта).

¹⁰ В записи от 19 марта 1944 г. (не вошедшей в настоящую публикацию) Саблин рассказывает о том, как он с капитаном Сабодашем проезжали мимо сожженной фашистскими карателями деревни Теребель. При этом Сабодашу вспомнился фильм «Оборона Царицына», главную роль в котором исполнял М. Жаров: «В фильме есть такой эпизод — возвращается Жаров домой и видит: родная станица сожжена. От его дома осталась только калитка. Он отворяет ее, хотя можно пройти рядом, ибо забора нет, затем бережно закрывает — и идет на пепелище. Собирает золу, прячет ее в носовой платок, затем садится на коня и мчится, словно стрела, в свой отряд... Да, это должно быть очень сильный момент. Во всяком случае, даже в рассказе он произвел на меня очень сильное впечатление, живо ассоциировался с видом сожженной Теребели, с черными пожарищами, на которых видны только продымившиеся печи...»

¹¹ Стихотворение «Надежда» было посвящено жене писателя Надежде Тимофеевне Саблиной. В сборник «Мстители» оно не вошло. Рукопись его сохранилась в архиве писателя.

¹² Из стихотворения С. Есенина «Русь Советская».

¹³ Под именем Валерия в белорусском подполье работал Анатолий Юлианович Денисевич, уполномоченный ЦК ЛКСМБ, инструктор Минского подпольного обкома комсомола. В настоящее время Денисевич — председатель Минского облисполкома, депутат Верховного Совета БССР.

¹⁴ К этому времени вышло несколько очерковых сборников К. Симонова («Из фронтового блокнота», М., 1941; «На Карельском фронте», М., 1942; «От Черного до Баренцева моря. Записки военного корреспондента». Кн. 1, М., 1942, кн. 2, М., 1943). Какую из этих книг имеет в виду автор, не установлено.

¹⁵ А. К р и в и ц к и й, П. К р а й н о в. В Брянских лесах. Л., Воениздат. Отделение при Ленинградском фронте, 1943 г. В том же году книга была переиздана трижды.

¹⁶ Из этого перечня автором позднее был напечатан очерк «Подпольная печать белорусских партизан» («Огонек», 1946, № 16—17).

¹⁷ Одна из крупных операций, выполненных группой подрывников во главе с М. Шульманом, — взрыв железнодорожного моста у ст. Дятловичи — описана в дневнике (записи начала августа 1943 г.) и в очерке «Мой верный друг», сохранившемся в рукописи.

¹⁸ Работа над этим сборником очерков не была завершена, и в свет он не вышел.

¹⁹ Рассказ «Честь знамени» («Слава казачья») сохранился в рукописи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗ СБОРНИКА «МСТИТЕЛИ»

В РУЖЬЕ, НАРОД!

Народ! в ярме, земля в плену...
Позор и стыд молчать!
Твой долг — спасать детей, жену,
Отечество спасать!

Твой долг — с винтовкой за плечом
Скорей идти в леса,
И биться с немцем-палачом
До смерти, до конца.

Народ, в ружье! Нельзя терпеть,
Нельзя рабами быть!
Уж лучше стоя умереть,
Чем на коленях жить.

МЕЧТА ЗАКЛЮЧЕННОГО

Все сметено. Мне нечего терять:
Нет ни жены, ни сына и ни брата...
В глухих стенах сырого каземата
Я буду медленно, но верно погибать.

Один... совсем один...
Лишь ржавый звук ключа
И немца подлого шипящий злобный голос...
А где-то лес шумит, а где-то зреет колос
И друг мой — партизан склонился у ручья.
Далекий милый друг!
Услышь меня, приходи.
Душою, сердцем всем тебя я ожидаю.
Я каждый день терплю,
под пытками страдаю
И верю лишь в тебя.
Приди, мой друг, приходи!

МЫ — ВЕСТНИКИ БУРИ

Отряд «Буревестник»
Под Минском стоит,
Отряд «Буревестник»
Фашистов громит.

Мы — вестники бури
И мести святой,
И водит нас в бой
Мармулёв удалой.

Из темного леса
И топких болот
Мы ночью выходим
В далекий поход.

Мы видим пожары.
Коричневый гнус
Терзает и мучит
Мою Белорусь.

За кровь и за слезы
Сестер, матерей
Веди нас на бой,
Командир, поскорей.

Пусть мина летает
И пуля свистит.
Отряд «Буревестник»
Врагов победит.

Захватит трофей
И снова назад,
Где только деревья
Листвою шумят.

Мы — вестники бури
И мести святой,
И водит нас в бой
Мармулёв удалой.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Я знаю, не легко тебе:
Два долгих года ты не знаешь
Хотя бы слова обо мне
И от неведения страдаешь.

Ты думаешь, что я погиб
В бою или в стенах гестапо,
И часто сыну говоришь,
Что не вернется больше папа.

Но я живу. Но я — борюсь
В тылу глубоко с немчурою.
И часто лиходейка-грусть
С моею шепчется душою.

Я вспоминаю про тебя...
Твой взгляд тоскливый и глубокий.
О, я стремлюсь, врага разя,
Конца войны приблизить сроки!

Как я мечтаю услышать
Москвы салют победоносный
И сына на руки поднять,
Чтоб видел он народ наш грозный.

Мой сын! Он вырастет большой,
Отца, конечно, не узнает
И скажет: «Дяденька чужой
Меня на руки подымает».

Мои родные, с вами я!
За вас борюсь, за вас страдаю.
О, Русь! О, Родина моя!
Нет силы продолжать. Кончаю.